

Многие годы душа мается от тоски — рвётся душа в Магадан! Блазнится душе проехаться в кабине автомобиля «Урал» пыльной гравийной Колымской трассой до посёлка Усть-Нера на Индигирке, где прожиты молодость и зрелые годы. Ах, как желается провести короткое лето, северное жаркое лето на вольных речках, впадающих хрустальными водами в Индигирку; рыбачить на этих речках, жить в таёжном зимовье, спать на бревенчатых нарах, ставить бражку — гнать самогон в тайге; шугать зайцев и сохатых, которых в Якутии как таксистов. И, уже в сумерках белой ночи, топить в зимовье жестяную печку; сладко спать в тепле таёжной избушки; сладко вдыхать запахи сухих смолистых брёвен, сладко наслаждаться отдыхом и влажной прохладой земляного пола человеческого жилья.

В далёком теперь 1983 году сплавлялся я в августе на байдарке по Индигирке. Ночь накрывала, искал остров для отдыха. Выше посёлка Дружины — это километров восемьдесят по реке — ежегодно рыбачат якуты и эвенки бригадами. В завершение светлого времени причалил к песчаному острову, заросшему чозенией — северной ивой; стояла там поодаль от берега и шестиместная брезентовая палатка. «Казанка» далеко вывложена носом на прибрежный песок. Пара деревянных ящиков от консервов поставлена «на попа» у притухшего костра, дымок сизый вьётся редкой куделькой из подёрнутых белым пеплов угольков. Одинокий старик сгорбился, сидит на ящике, сложив крупные смуглые руки на коленях, одет в телогрейку и ватные штаны, на ногах резиновые боты. Рядом с кострищем

полное ведро ухи из омуля. Не говорит на русском старик, но речь мою понимает. К ночи приплыл к старику на «Крыме» его сын Димка из Белой Горы, за рыбой приплыл. Димка попросил меня помочь старику в «казанке» на реке, работая на вёслах, пока он проверять будет сети. Назвался старик Лукой Соломой. Сын его не стал ночевать, загрузил лодку рыбой в мешках и ушёл на «Крыме» в ночь по реке вниз на Белую Гору.

У меня двухместная геологическая палатка из крепкого брезента, с полом. Печурка из жести с буханку хлеба размерами, жестяная разделка для трубы вшита в боковой стенке палатки, брезентовый лоскут я вырезал на место печурки, где вбивал четыре сырых колышка и на них крепил печурку. Тепла хватает от такой «буханки», чайник быстро закипает, тушёнку греть на сковороде удобно. Но это в дожди. В добрую погоду вечером всегда у костра, рядом с палаткой.

Лука пригласил меня ночевать в свою шестиместную палатку. При свечах поели ухи, в алюминиевой армейской фляжке у меня хранился чистый медицинский спирт, угостил старика Луку, колпачка от фляжки вполне хватило и мне для аппетита.

— Дого-ор! — будто и не спал, проснулся я на тихий зов Луки.

Имя моё он не запомнил, звал по-якутски другом.

Чай мы не стали пить. Поплыли на лодке с Лукой вверх по реке к сетям. «Вихрь-30» — мощный лодочный мотор, лодка летела против течения, оставляя на водной глади усы до самых гравийных берегов. Добывал Лука омуля для рыбозавода; чебака крупного, с ладонь взрослого мужика, торчало в сетях много, старик чебака вынал из ячеек сети и выкидывал в реку как сорную рыбу; попросил я чебака для себя, раз такое дело, — он согласно кивнул. Сняли мы в то утро и две нельмы...

Жил я на острове у старика Луки неделю. Сын его приплывал за рыбой каждые сутки. Димка стал просить меня остаться и рыбачить со стариком до конца путины, шибко я деду понравился понятливостью, рыбацкой умелостью и смекалкой. Но у меня была мечта — дойди до бара Индигирки. Август уже стряхивал жёлтую хвою с северных лиственниц. Сусальной фольгой звенели на ветру уже и листья ольхи и чозении. Я спешил сплавиться на байдарке до Белой Горы. В Белой Горе — речной флот Индигирского пароходства.

В низовьях Индигирка вольная до неоглядности, и до бара на байдарке не дойдёшь — река «симбир-море». И добраться до бара Индигирки можно из Белой горы до Русского Устья

только на теплоходах. Двести солёных чебаков вялились на жердях рядом с юколой из омуля, которая жирно ершилась шкурой от ножевых разрезов на дольки. Лука заготавливал юколу в большом количестве, вялилась юкола неделями на открытом ветру на жердях, которые он высоко расположил на подпорках вдоль песчаной косы острова.

Жил я у Луки на острове и ломал голову, как вяленого чебака сбересть у Димки Соломы в Белой Горе; когда стану возвращаться в Усть-Неру вертолётном, рассчитывал, заберу рыбу.

В один из дней подсел на косу острова Ми-8 из Усть-Неры. Геологи Верхне-Индибирской экспедиции работали и в районе Белой Горы, возвращались от геологов вертолётчики домой, подсели за рыбой. Бежит в лёгкой рубашонке на холодном ветру знакомый механик Володя Воробьёв, в кабине — при галстук и в наушниках — командиром Валера Зедгенизов; радостно смеётся, приветливо машет рукой; отдал пилотам всего вяленого чебака. В октябре возвращался из Чокурдаха грузовыми вертолётками через Мому в Усть-Неру. Местные рыбаки в Чокурдахе подарили мне «рыбу» — так зовут уважительно нельму в низовьях северных рек. Стояли уже холода, пришлось распилить рыбу ножовкой на куски и упаковать в мешок. И была отличная строганина из нельмы и омуля на моё тридцатилетие и к новомуднему столу.



Сплавлиюсь по Индибирке в августе 1983 года